

ваются причины отрыва от Европы (широкий спектр социально-экономических, отчасти идеологических стимулов, в том числе утопические представления о Новом Свете), отмечается комплекс признаков развития этносоциального организма: укрепление хозяйственных связей, движение к политическому объединению, усиление культурной общности. Формирование этносоциального организма составляет основное содержание глав «Сложение американского народа» и «Консолидация американской нации в начале XIX в.». Здесь, как и при раскрытии других тем, Ш. А. Богина дает образец глубокого, систематического, поэтапного анализа вызревания особенностей национальной психологии, литературы и искусства, характеризует национальные черты в религии и семейном строе американцев.

Появление национальной символики, содержащей память о Войне за независимость, утверждение в народных представлениях образа типичного американца — янки, развитие национального языка, рождение американского патриотизма с его типичными оттенками: с одной стороны, чувством исключительности, а с другой — интернационализмом, надолго вошедшим в американскую демократическую традицию,— всему этому уделено в книге должное внимание. Причем для иллюстрации своих положений автор широко привлекает чисто этнографические детали, такие, например, как отмеченное русским дипломатом использование фамилий государственных деятелей Америки в качестве даваемых детям личных имен (с. 88) — во славу национальных революционных и исторических традиций.

Еще одна сторона процесса консолидации народа — появление самобытной литературы и искусства — также показана Ш. А. Богиней. В этих областях тоже произошел отказ от примера Европы, и духовная культура американцев приняла иной облик с характерной популярностью фольклорных жанров, народной музыки, демократичностью героев литературы и театра, юмором и т. п.

Однако консолидация американской нации сопровождалась и рядом негативных явлений: этнической дискриминацией, сегрегацией, травлей иммигрантов-чужаков, зачастую разжигаемыми и направляемыми верхушкой общества (Ш. А. Богина посвятила этому специальную — третью — главу). Одним из проявлений неприязненного отношения к «чужакам» являются и некоторые этнические стереотипы, возникающие в ходе контактов. Вообще стереотипы позволяют судить о межэтнических отношениях, и автор приводит такой материал. Жаль только, что предварительно не обосновано значение стереотипного восприятия людьми представителей других народов. Ш. А. Богина уделила этой теме внимание в предыдущей своей монографии⁵, которая, однако, посвящена следующему этапу этнической истории США и может оказаться не первой в руках читателя.

Выделение материала об афроамериканцах в отдельную главу (пятую) представляется совершенно правомерным из-за их особого положения в структуре американской нации, обусловленного прежде всего тем, что в изучаемый период они были рабами, а также несхожестью всех их культурных традиций с европейскими. Тем заметнее своеобразие образа жизни и творческого самовыражения именно этой общности, ее вклад во всю американскую культуру, особенно в художественную.

Таким образом, перед нами всестороннее исследование процессов сложения американской нации и ее этнокультурного развития в ранний период. Высказанные в рецензии замечания ни в коей мере не меняют оценки книги как научного достижения Ш. А. Богиней, вносящего немалый вклад в разработку актуальных проблем этноамериканистики.

Ш. А. Богина решает своей книгой и одну из важнейших практических задач этнографии — дает широкому читателю реальное представление о другом народе. Читая книгу, получаешь из рук ученого определенный образ американского народа, попросту говоря, начинаешь лучше понимать этот народ, особенности его характера и социальной ситуации в США. От углубления знаний о других народах в немалой степени зависит верность ориентации в международной обстановке, а в перспективе — выработка миролюбивого отношения ко всем народам Земли. Книга Ш. А. Богиней именно в таком смысле практически значима — она несет объективные знания, изложенные с гуманистической гражданской позиции.

В заключение хочется сказать, что монография прекрасно написана: имеется в виду не только редкое соответствие формы и содержания, но и стилистическая неповторимость научной прозы Ш. А. Богиней.

Н. Н. Кулакова

⁵ Богина Ш. А. Иммигрантское население США 1865—1900 гг. Л., 1976. С. 229—230.

Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск/Сост., предисл., коммент. и указатели Федоровой С. Г. Отв. ред. Александров В. А. М.: Наука, 1985. 302 с.

Среди славных страниц истории России немалое число относится к открытию, исследованию и освоению северо-запада американского континента — Аляски (Русской Америки, к которой кроме Аляски относили русскую Калифорнию — Форт-Росс) в XVIII—XIX в. Недавно литература по этому вопросу пополнилась новой книгой о делах на Аляске незаурядного человека — Кирила Тимофеевича Хлебникова¹.

¹ О предыдущем томе серии см. ред.: Лукин Б. В. Новые публикации работ К. Т. Хлебникова//СЭ, 1985. № 2.

К. Т. Хлебников (1784—1838), уроженец приуральского города Кунгур, провел на Аляске на службе Российско-Американской компании 15 лет (с конца 1817 г. до осени 1832 г.), исполняя должность помощника главного правителя Русской Америки и правителя главной Новоархангельской конторы. С его деятельностью связан один из самых активных этапов продвижения и утверждения русских на северо-западе Америки. И в деятельности К. Т. Хлебникова очень наглядно отражаются наиболее существенные черты процесса исследования и освоения русскими Аляски.

Вообще выход книги следует считать явлением примечательным. До сих пор публикация источников по истории Русской Америки велась недостаточно, хотя нельзя не упомянуть заслуги в этом отношении ряда советских ученых, прежде всего А. В. Ефимова, А. И. Андреева, С. Б. Окуня, М. И. Белова, Н. Н. Болховитинова, Р. В. Макаровой.

Между тем в архивах нашей страны хранится немало все еще не вовлеченных в научный оборот различного рода документов, путевых записок, других рукописей, относящихся к деятельности Российско-Американской компании. Их расшифровка, анализ, публикация помогут выявить новые факты и глубже понять мотивы и характер освоения Аляски русскими. Мне это представляется особенно необходимым, поскольку многие очень важные аспекты деятельности русских в Америке освещены недостаточно.

Немаловажно и то обстоятельство, что за рубежом, особенно в США, а также в Канаде в последние одно-два десятилетия необычайно расширился интерес к истории Русской Америки. Проводятся специальные конференции, выходят монографии, осуществляются публикации текстов источников.

В таких условиях необходимо, чтобы советская наука давала верную оценку событиям, происходившим в Русской Америке. Надо учесть, что зарубежные, прежде всего американские авторы подчас или искажают, или замалчивают многие факты деятельности русских в Америке в XVIII—XIX вв.²

Значение исследований истории Русской Америки в настоящее время также обусловлено сознательным искажением и неправильным юридическим толкованием в политических кругах США договора 1867 г. о продаже Аляски. Этот договор, как и другие российско-американские соглашения, касающиеся северной части Тихого океана, американцы используют для совершенно необоснованных притязаний на владение рядом морских акваторий³.

Словом, здесь не следует бояться громких слов и сказать, что освещение истории Русской Америки — дело и научное, и патриотическое, и политическое.

На мой взгляд, важнейшее значение публикации «Записок» К. Хлебникова состоит в том, что они показывают прогрессивный для своего времени характер освоения русскими Аляски. В отличие от происходившей тогда же колонизации соседних с Аляской северных районов Канады, обладающих сходными природно-географическими условиями, освоение Аляски русскими не ограничивалось завязыванием торговых связей с коренными жителями и скупкой пушнины. Русские прочно обосновывались на открытых ими землях, пытались завести там различные производства и ремесла (судостроение, добыча и плавка меди), заниматься сельским хозяйством.

Причины такого характера торгово-промыслового освоения Русской Аляски связаны с особыми историческими условиями, в которых оно проходило. Если на Канадский Север шли исключительно купцы и миссионеры, то на Аляске больше селился трудовой люд — спасавшиеся от крепостного гнета крестьяне, торговые и служилые люди. Отдаленность колоний от центральной России и трудности транспортных связей заставляли русских поселенцев в Америке самим обеспечивать себя всем необходимым, развивать ремесла, обрабатывать землю, избегать хищнической эксплуатации промысловых ресурсов, сохранять добрые отношения с местным населением⁴.

В рецензируемой книге хорошо видно это стремление русских поселенцев. К. Хлебников, как рачительный хозяин, проявлял заботу о надежном снабжении колоний продовольствием и другими товарами, о развитии ремесел, о различных изысканиях (в том числе поиске минералов), о строгом порядке в пушном промысле. Его обстоятельные дневниковые записи, многочисленные конторские счета, открытые признания ошибок и трудностей в хозяйственных и других делах говорят о том, что русские относились к своим американским владениям так же по-хозяйски, как к собственно российским территориям.

Кстати сказать, русский опыт хозяйственного освоения Аляски как северной территории с суровыми и сложными природными условиями имеет определенное прикладное значение. До сих пор оптимальные пути развития производительных сил таких территорий еще недостаточно ясны. Сибирские биологи уже обратили внимание (по материалам К. Хлебникова) на русскую практику промысла лисиц на Аляске.

В «Записках» много места отводится коренным жителям Русской Америки, прежде всего алеутам и индейцам-колошам. Этнографические зарисовки К. Хлебникова отличаются доброжелательностью и, как мне кажется, не потеряли научного интереса до настоящего времени. Тщательное изучение записей еще раз убеждает в стремлении

² См.: *Агранат Г. А.* Новые американские работы по Русской Америке//Тетопис Севера. М., 1957. Т. 2. С. 247—255; *Болховитинов Н. Н.* Зарубежные исследования о Русской Америке. США: Экономика, политика, идеология, 1985. № 4. С. 87—95.

³ См. *Войтоловский Г.* По разные стороны Берингова пролива//Мировая экономика и международные отношения, 1986. № 6. С. 31—39.

⁴ Подробнее см. *Агранат Г. А.* Об освоении русскими Аляски//Тетопис Севера 1971. Т. 5. С. 180—193.

русских жить в мире с аборигенами Аляски и в их попытках улучшить условия жизни и быт алеутов и индейцев. Известное по другим источникам и исследованиям внимательное отношение Российско-Американской компании к креолам также подтверждается записями К. Хлебникова.

Созидательный характер деятельности русских в Америке, более человеческое их обращение с аборигенами, чем в колонизируемых областях США, признается многими американскими исследователями, в частности известным историком XIX в. Г. Г. Бэнкрофтом. Русский вклад в освоение Аляски в историческом плане тем более значим, что по приходу на Аляску американцы практически полностью разрушили все созданное здесь русскими. И тем не менее русское наследие в культуре и быту аборигенов, на географических картах, в не потерявших научной ценности результатах исследований Аляски русскими сохраняется до сих пор⁵. Записи К. Хлебникова помогают лучше осмыслить все эти факты.

Особого упоминания заслуживает работа составителя, автора предисловия, комментария и словаря С. Г. Федоровой. Не будет преувеличением сказать, что без этой работы «Записки» К. Хлебникова читались бы с трудом даже специалистами. С. Г. Федорова хорошо известна советским и американским читателям как автор глубоких исследований по Русской Америке, подавляющее большинство которых переведено в США и Канаде на английский язык. Кроме того, она лично знакома с «полигоном» своего исследования — Аляской, а также участвовала в проводимых в США научных конференциях по истории Русской Америки. С. Г. Федорова снабдила книгу предисловием, обширнейшими пояснениями к тексту и иллюстрациям, предметным словарем-указателем специальных терминов, местных и устаревших слов, а также указателем географических названий и указателем имен. В пояснениях даны развернутые тексты и ссылки на труды современных К. Хлебникову и позднейших авторов, а также, что особо нужно подчеркнуть, на архивные материалы; их число очень велико, и сами по себе они читаются с большим интересом. В значительной мере это материалы, или впервые введенные в научный оборот, или основательно забытые даже специалистами. Использовано большое число американских и других зарубежных исследований.

Немаловажное значение имеет высокое полиграфическое качество издания, а также богатые иллюстрации.

Рецензируемая книга является второй публикацией трудов К. Т. Хлебникова, первая («Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова») вышла в 1979 г. Хотелось бы скорее видеть третью публикацию — о русской Калифорнии. Хорошо бы было составителю снабдить ее предисловием, в котором более обстоятельно, чем в предисловии к рецензируемой книге, были бы показаны основные черты процесса исследования и, что особенно важно, освоения Америки русскими. И надо надеяться, что составитель и издательство избавят последующую публикацию от довольно большого количества подчас весьма досадных опечаток, которые встречаются в рецензируемом труде.

Но это все детали. Публикацию трудов К. Т. Хлебникова, особенно с такой обогатившей эти труды «научной подачей», какой отличается рецензируемая книга, следует высоко оценить и всемерно приветствовать.

Г. А. Агранат

⁵ См.: *Агранат Г. А. Первые полвека американского господства на Аляске//Летопись Севера. 1962. Т. 3. С. 223—238; Федорова С. Г. Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 244—266.*

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

И. М. Меликсетова. Трибализм и государственность (Этнонациональные и социально-политические процессы в Папуа — Новой Гвинее в 60—80-е годы XX в.). М., 1985. 170 с., илл.

Эта небольшая, скромно, но изящно оформленная книга — одно из не очень многочисленных в советской науке исследований по этнографии и социологии Океании, основанных на личных наблюдениях автора (в полевые сезоны 1971 и 1977 гг.). Основная задача книги — проанализировать, как соотносятся и влияют друг на друга в Папуа — Новой Гвинее две основные категории социальных связей, отношений и институтов: с одной стороны, традиционные, основанные на издавна сложившихся этнических, кровнородственных, соседских, территориальных группировках, а с другой стороны, привнесенные в процессе современного экономического и политического развития группировки и организации государственного, политического, предпринимательского характера. Тем самым круг проблем, рассматриваемых в книге, расширяется далеко за пределы понятий, вынесенных в заглавие. Трибализм и государственность выступают здесь лишь как условные обобщающие символы двух комплексов общественных структур — традиционного и современного.

Трибализм — это идеология племенной организации, вступившей в контакт (и соответственно конфликт) с государственным устройством современного типа. Но ново-